

Веч. Москва. - 1998. - 30 окт. - с. 4

Церетели вновь поражает

Добро – вечное начало
его творчества

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ,
лауреат Государственной
премии СССР

Всакий раз, когда я бываю в Московском доме Мастера, меня охватывает одно и то же ощущение. Я чувствую себя как бы затянутым пилигримом около величия церетелевских скульптур, возле редкой доверительности живописных полотен. Яхожу среди его цветного собрания сочинений и впитываю через образы, созданные им, наше Время и наших современников и по каким-то невидимым флюидам вхую в душу художника. Бесконечно добрую, наполненную юмором, милосердием и печалью. Живопись, как музыка, не нуждается в переводе. Моцарт – самый гениальный «космополит». Его мелодии звучат по всему миру. А полотна Пирсомани никому не надо объяснять. Они прочитываются душой. И если продолжать метафоры, то изобразительное искусство Зураба Церетели соотносится с удивительным грузинским многоголосием.

На первый план в живописи Церетели я поставил бы цветной рельеф, неистовство пластики, когда внешняя характерность портрета или сюжетный смысл достигается образным вхождением в тему самого художника. Любая картина Церетели – это новый шаг к самому себе через образы избранных им персонажей. Вот одна из его работ – «Два старых еврея». Церетели не просто уловил вечный образ, но и через свой добрый юмор помог зрителю видеть то, что скрыто в глубине их

Если составить список фамилий, наиболее часто встречающихся за эти годы в нашей прессе, то после Ельцина, пожалуй, стоит Зураб Церетели. Его можно вносить в Книгу рекордов Гиннеса. Уже стихли словесные баталии вокруг памятника Петру и миру явлены неистовая фантазия на Охотном ряду, а Зураб вновь поразил нас. В Малом Манеже открылась его первая персональная выставка. Только сейчас! Хотя еще 34 года назад два гениальных мастера – Шагал и Пикассо – сказали о нем, что живопись Зураба Церетели начало всех начал и что он будет великим художником. Правда, все эти годы Церетели был увлечен монументальной скульптурой, приобретая своими творениями мировую известность. Но не было утра, которое бы Зураб не встретил возле мольберта с кистью в руках. Потому что живопись для него, как первая любовь...

Сергей ДЖЕВАХАШВИЛИ

В каждой живописной работе Зураба чувствуется скульптор

характеров. Вообще чувство юмора в живописи Церетели – это особое видение предмета и своего героя.

Один русский поэт как-то написал, что если вы встретите в лесу человека с букетиком цветов, не бойтесь его. Он не причинит вам зла, потому что добр. В Зурабе Церетели добро и красота – вечное начало его творчества, объяснение и суть его дара. Дом мастера на Грузинской улице полон цветов в изящных рамках. Художник переносит недолговечную красоту в бессмертие искусства, чтобы люди, увидев ее, добрали душой и уходили в свои воспоминания.

На одной из моих любимых картин продавщица цветов несколько шар-

живорана. Но именно в этом преувеличении угадывается добрая натура, особенность простой женщины не претендовать на что-то более высшее. Церетели выдающийся мастер портрета, и поэтому его ни с кем не спутаешь. Угадываемая иногда некая общность с Пирсомани говорит скорее об их грузинском происхождении, национальном характере, а не о манере письма.

Смотрю на знаменитых людей, перенесенных Мастером на полотна, и узнаю их не только по сходству с оригиналом, сколько по тому скрытому душевному настрою, который как бы заостряет их внешнюю характерность. Как известно, почти никто, кроме Тропинина и Кипрен-

Счастливый дар художника – сделать нашу жизнь чуть лучше

ского, не писал Пушкина с натуры. А портретов великого поэта великое множество. Пушкин Зураба Церетели – это увиденный им человек не через исторические сюжеты, не через прошлую живопись, графику, чеканку, а прежде всего через свое отношение к личности поэта, к его трагической судьбе. В облике Пушкина чувствуются печаль и любовь самого художника. И это еще раз дает право сказать, что живопись Церетели – многоцветный слепок его душевных состояний и настроений. Важно и другое. В каждой живописной работе Зураба чувствуется скульптор. Крупные скульптурные мазки, продуманность «сцен», пластика движений – внешних и внутренних, духовных – все это идет от особого угла зрения, присущего мастерам объемного искусства.

Будучи недавно в Москве, я видел, как тщательно готовил Зураб Церетели свою будущую выставку в Малом Манеже. Был заранее составлен план расположения работ по залам, соседство графики и эмали, порядок осмотра. Зураб советовался с коллегами, меняя экспозиции, уточнял подбор. Даже в этой предварительной работе чувствовалось его волнение. Еще бы! Ведь первая персональная выставка в центре России! Наверное, искусствоведы все проанализируют и оценят, а я пишу эти строки издателю и накануне открытия выставки только с одной целью – высказать свое уважение и восторг перед

счастливым даром художника, перед его гениальностью сделать нашу жизнь чуть лучше за счет прекрасного. Зураб Церетели стремился вытеснить красотой искусства варварство и жестокость из нашей повседневности.

Я не знаю другого такого художника, кого можно было бы назвать человеком Эпохи Возрождения, творящего добро в условиях повседневной социальной инквизиции, создающего в наших душах миражды.

Работая, как вол, в самых разных жанрах, ставя памятники по всей земле, руководя Академией художеств, создавая образы Времени в бронзе и на холсте, он занят сейчас еще двумя грандиозными проектами – подарить детям «Парк Чудес» и всем нам – музей изобразительного искусства. Уже два этих дела стоят целой жизни. Любовь к детям и уважение к творчеству коллекции – свойства натуры благородной. И это от бога, как и талант. Не жалея себя для искусства, живет Зураб Церетели не только среди трудов своих и всеобщего интереса, но и среди непонимания, хулы и зависти. Но таков удел всех выдающихся людей на этой земле, которую они хотят украсить, облагородить и обновить. Он творит не ради благодарности, а ради добра и красоты, без которых нет счастья на этом свете. И пусть радость от первой в жизни персональной выставки моего великого друга осветит душу Зураба Церетели на многие лета.